

Глава 26. Поместье Поклонения Цветам

Чи Шэнь приходил в себя тяжело. Тело ныло, в груди поселилась тупая, тягучая боль, а веки словно склеились — пришлось приложить немало усилий, чтобы разомкнуть их. Во рту застыла горечь лекарств.

«Неужели брат всё-таки нашёл того легендарного лекаря и спас меня?» — вяло промелькнуло в голове.

Он с трудом приподнял голову. Грудь плотными слоями стягивала мягкая белоснежная ткань, и лишь слева, над самым сердцем, проступало небольшое бурое пятно. Чи Шэнь огляделся. Комната, в которой он лежал, поражала роскошью: золотистый полог над кроватью, резные стеллажи из ценного наньму, заставленные диковинными сокровищами, названий которых он и не знал. В паре шагов на изящной подставке курилась золотая тренога, источая густой, приторный аромат.

Увиденное заставило Чи Шэня нахмуриться. На вкус брата это было совсем не похоже. Где он? Неужели в доме лекаря? Нет, вряд ли. Может, его перевезли в императорские покои?

При воспоминании о летящем в него мече Дунмэнь Сы сердце Чи Шэня пропустило удар. Дыхание сбилось, он натужно закашлялся, и эта вспышка боли едва не лишила его чувств.

Дверь жалобно скрипнула. В комнату вбежала нарядная служанка лет четырнадцати. Низко склонив голову, она рухнула на колени и принялась истово бить поклоны:

— Молодой глава, пощадите! Рабыня виновата, две ночи глаз не смыкала, а под утро прикорнула у дверей и пропустила ваше пробуждение! Казнить меня мало!

Чи Шэнь немного успокоился. «Должно быть, я всё-таки во дворце, — подумал он. — Столько правил, что людей вконец запугали».

— Пустое, — прохрипел он. Голос звучал надтреснуто и сухо. — Поднимись и говори.

Девушка вскочила и поднесла к его губам чашу, бережно поддерживая его за затылок:

— Молодой глава спал три дня, в горле совсем пересохло. Пригубите отвара из мушмулы, он смягчит жар. Повар весь день его готовил, он совсем свежий.

Сделав несколько глотков, Чи Шэнь почувствовал облегчение: огненная сухость в горле отступила, смыв остатки горького снадобья. Он благодарно улыбнулся:

— Спасибо тебе. Ступай, извести моего брата, что я очнулся. А после можешь идти отдыхать.

Служанка на миг замерла, ошеломлённая его улыбкой. На её бледных щеках проступил румянец.

— Простите, молодой глава... — робко спросила она. — О каком именно брате вы говорите?

Чи Шэнь изумлённо воззрился на неё. Как она может не знать Гу Миня? Неужели Гу Минь ранил принца и теперь его бросили в темницу по приказу Лунди?!

Пока он лихорадочно соображал, что делать, девушка, приняв его молчание за гнев, поспешила льстиво добавить:

— Молодой глава — единственный сын госпожи и законный наследник господина. Ваш статус неоспорим! Те двое, хоть и зовутся вашими братьями, по рождению вам и в подмётки не годятся!

Она привыкла, что её своенравный хозяин обожает подобную лесть, и надеялась, что добрым словом смягчит его нрав и убержёт себя от побоев.

Однако Чи Шэня словно громом поразило.

— Где я? — сорвавшимся голосом выдохнул он.

Служанка едва сдержала смешок, заметив, как его глаза округлились.

— Молодой глава, меч ведь в грудь попал, а не в голову. Это Помесье Поклонения Цветам. Вы у себя дома, в собственной постели.

Чи Шэнь осторожно выпростал руку из-под одеяла. Пальцы — тонкие, изящные, никакой детской припухлости. Это была не рука Сян Сяобао.

— Я... я всё ещё плохо соображаю, — заикаясь, пробормотал он. — Напомни, как я получил это ранение? И как долго я пролежал в беспомощности?

Убедившись, что хозяин сегодня на редкость кроток, служанка осмелела:

— Уж не обессудьте за дерзость, но стоило ли так распалиться из-за пустяков? Господин и госпожа души в вас не чают, и пусть вам не удалось попасть на обучение на Гору Тростника, они бы и так нашли для вас лучшее место. А вы затеяли ссору с какими-то проходимцами, дошло до драки, и вот — получили удар мечом в неразберихе. Теперь лежите и мучаетесь.

Чи Шэнь мысленно хмыкнул: «Кажется, прежний хозяин этого тела был тем ещё заносчивым

бездельником». Но, будучи человеком неординарным, он не стал впадать в панику. Если это второе перерождение, значит, так тому и быть.

— Кабы ты была рядом и вовремя меня надоумила, может, и не случилось бы беды, — вздохнул он.

Служанка просияла:

— Куда мне! Моё дело — за одеждой вашей следить да в купальне помогать. Ладно, заговорила я, а дело важное стоит. Полежите ещё немного, я пошлю за лекарем и госпожой!

Когда она скрылась за дверью, Чи Шэнь тяжело выдохнул. Похоже, Сян Сяобао и впрямь мёртв. Теперь он — Чи Шэнь, и это его новая жизнь.

Время потекло чередой горьких настоев из редких трав. При таком уходе любая рана затянется быстро. Клинок вошёл в грудь всего на три фэня, и Чи Шэнь, будучи уже на средней стадии заложения основ, восстановился без труда. О недавней беде напоминал лишь тонкий шрам.

Хуа Жуюнь, его мать, недовольно приподняла брови:

— Слышала я, что в Павильоне Срывания Звёзд на днях появился эликсир «Тысячи обличий и сотни иллюзий». Почему его до сих пор не доставили?

В комнате воцарилась тишина. Стоявшая за спиной госпожи женщина негромко ответила:

— Госпожа, этот эликсир — редкость. Его возжелала и хозяйка Поместья Холодного Тумана. Глава павильона сказал, что они сделали заказ раньше, и за любые деньги он сделку не расторгнет.

Хуа Жуюнь гневно ударила по подлокотнику кресла:

— Что за дерзость! Павильон Срывания Звёзд и это поместье — кто они такие, чтобы переходить мне дорогу?

Чи Шэнь украдкой разглядывал её. Несмотря на наличие взрослого сына, выглядела она лет на двадцать пять — настоящая красавица с тонкими чертами лица и властным взглядом.

— Матушка, полно вам, — подал он голос. — Я мужчина, и шрам на груди меня не испортит. Стоит ли поднимать шум из-за какой-то женской мази? Люди же засмеют.

Хуа Жуюнь возмущённо посмотрела на него:

— Так я же для тебя стараюсь! — Но, увидев решительный настрой сына, тут же смягчилась: — Ладно, ладно, пусть будет по-твоему.

В этот момент в покои вошёл высокий, статный мужчина. Слуги тут же склонились в глубоком поклоне, а Хуа Жуюнь поднялась навстречу. Чи Шэнь понял: перед ним отец. Мужчине было на вид немногим за тридцать — широкие плечи, открытое лицо, он улыбался глазами. Однако, взглянув на сына, он тут же напустил на себя суровость.

Чи Шэнь невольно втянул голову в плечи — память тела была сильнее разума. Но, быстро опомнившись, он выпрямился и почтительно произнёс:

— Отец.

Юнь Гу, заметив в глазах сына непривычную ясность вместо вечного желания улизнуть, слегка смягчился, но тона не сбавил:

— Значит, очнулся? Мастерства — ни на грош, а лезешь в уличные драки, прикрываясь слугами. Ты хоть понимаешь, какую глупость совершил?

Чи Шэнь готов был признать вину, но Хуа Жуюнь опередила его:

— Пока сын болел, ты и носа к нему не совал! А стоило ему встать, как ты явился с погрёками. Великий господин Юнь, не много ли власти вы на себя берете?

Чи Шэнь замер. Он уже знал о крутом нраве матери, но не ожидал, что она будет так дерзко говорить с главой поместья. Однако Юнь Гу лишь беспомощно улыбнулся:

— Хорошо, хорошо... Я лишь хотел сказать, что ты его слишком балуешь.

С этими словами он подошёл к жене, взял её за руку, и они вместе присели.

Чи Шэнь смотрел на них, едва сдерживая изумление. В этом мире отношения между супругами явно отличались от тех, что он видел на Континенте Сокровенного Истока.

— Раз уж ты здесь, — продолжила Хуа Жуюнь, — давай снова обсудим обучение сына. Ну что тебе стоит договориться о месте на Горе Тростника?

Юнь Гу страдальчески поморщился:

— Шэнь-эр ленив и нерадив. Даже если я пристрою его к Великому Владыке, какой прок? Он в науках и магии слабее любого из старших учеников. Ему там не место — только позор наживёт, когда поймут, что он попал туда не по заслугам.

— Ты сам говорил, что в достойном месте и человек становится лучше, — парировала Хуа Жуюнь. — На Горе Тростника лучшие наставники. Пусть смотрит на них и учится. Или ты хочешь, чтобы он в какой-нибудь захудалой академии связался с проходимцами и окончательно пошёл по наклонной?

В спорах с женой Юнь Гу всегда проигрывал. К тому же, едва не потеряв сына, он и сам стал покладистой.

— Хорошо. Мы с Лин Юем знакомы уже восемьдесят лет. Ради старой дружбы я попрошу его принять сына на Неподвижный пик.

Хуа Жуюнь на миг задумалась. Чи Шэнь обладал корнем стихии Дерева, а Лин Юй был мастером стихии Ветра — сочетание не самое удачное. Но, рассудив, что под защитой старого друга мужа сыну будет спокойнее, она милостиво согласилась.

Юнь Гу, глядя на её сияющее лицо, даже немного смутился, и она кокетливо отвернулась.

Чи Шэнь отвёл взгляд, переваривая услышанное. Из того, что он успел узнать за эти дни, его отец в свои сто лет достиг средней стадии царства Унун, что на Континенте Высшего Истока считалось выдающимся результатом. Матери было под пятьдесят, и она владела силой стадии Шуньсинь.

Юнь Гу женился поздно, по настоянию родителей, но настоящую страсть познал лишь встретив Хуа Жуюнь. Неудивительно, что их единственный сын рос в такой неге, что превратился в изнеженного бездельника.

«Что ж, — подумал Чи Шэнь, — это мне на руку». Остаться здесь было опасно — рано или поздно подмена раскроется. А на Горе Тростника он сможет начать всё с чистого листа, списав перемену в характере на суровую дисциплину и влияние старших учеников.

<http://bllate.org/book/17417/1659446>